

27700

Ольга Белова

Институт славяноведения, Москва

Легенда о Хапуне: формы бытования на польско-украинско-белорусском пограничье*

Согласно народным представлениям украинцев, белорусов и поляков, ежегодно в Судную ночь (день очищения, еврейский праздник Йом Кипур) дьявол похищает из каждого села или местечка еврея или еврейку, чтобы в вихре унести в болото, бросить в пропасть, посадить на высокую сосну или осину, растерзать или замучить до смерти. В глухую полночь поднимается ветер, начинается буря, гаснут все свечи; когда евреи снова их зажигают, то видят, что среди них не хватает людей. Исчезнувших не ищут и не оплакивают, т.к. известно, что их похитил «злой дух». Чтобы уберечься от этого, евреи приглашают на свою молитву христианина с *громничной* свечой (принесенной из церкви на праздник Сретения). Свеча горит в укрытии, и когда появляется черт, свечу открывают, и черт убегает (Демидович 1896: 119–120, Сага 1992: 100, Federowski 1897: 238). Этот мотив отразился и в белорусской сказке. Евреи одного местечка позвали на свой праздник парубка, служившего в корчме, потому что «ведамо, баяцца, каб іх чорт не ўхапіў і заўжды наймаюць сабе хрышчомага чалавека на сьвята, каб ён абараняў іх ат чарцей» (Сержпутоўскі 2000: 178). Евреи не учли лишь одного: парень оказался «ведзьмаром» (колдуном) – «не то, што не хрышчоны, але й сам з ліхімі знаецца» (Сержпутоўскі 2000: 178) – и черт все равно проник в синагогу.

Представления о Хапуне отражены и в литературных текстах, построенных на мотивах фольклорных легенд с территории Волыни, например, в рассказе В. Короленко «Судный день (Иом-кипур)» (1889) и в повести Ф. Кудринского «Хапун» (1898).

На территории украинского и белорусского Полесья, гродненского Понеманья, Подолии, Восточной Галиции этот день, или «страшный праздник», называется *Хопун*, *Хапун*, в Подлясье – *Chaptus*.

Сюжет о Хапуне: география и локальные версии

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: язык и фольклор» (РГНФ–БРФФИ 13-24-01003).

Причиной похищения дьяволом евреев является (с точки зрения славян-христиан) то, что евреи «записали» свои души черту, когда распяли Христа, и с тех пор дьявол вспоминает о них в Судный день, забирая кого-либо в качестве жертвы (Са́ла 1992: 95; сравним в связи с этим традиционное представление иудаизма о том, что в Йом Кипур заканчивается суд и запечатывается Книга жизни).

Похищение евреев объясняется христианами не только карой за муки Христа (показательно, что орудием Божьего наказания здесь выступает дьявол; ср. указания на то, что в Судный день кого-либо «нечистый взял», «diabli jednego Żyda biorą do piekła», «diabeł musi rogwać» или «Bóg wugwie»; Франко 1898: 200; Kolberg 1962: 107; Са́ла 1992: 99). В Подлясье рассказывают, что когда-то дьявол просил отдать ему во владение сколько-нибудь людей. Поляк показал на зеленую ель и велел черту приходить, «когда с нее упадут все листья» (ср. общеизвестную фольклорную «формулу невозможного»). А евреи испугались черта и обещали дать людей – вот за ними черт и приходит ежегодно в *Chaptus* (Са́ла 1992: 99). Говорили также, что во время странствий по пустыне Моисей разбил сделанного евреями золотого тельца. Но коварный черт предстал перед евреями в виде разбитого тельца; они побежали за ним, и черт увлек их в пустыню. Чтобы собрать евреев, Моисей дал клятву, что вместо гибели всего народа он будет давать черту каждый год по паре. Черт затрубил в громадный рог и собрал евреев (Западная Белоруссия; Демидович 1896: 119).

В Судную ночь евреи сами могут узнать, кого из них схватит черт – они смотрятся в воду: жертва похищения не увидит своего отражения (Federowski 1897: 238; Са́ла 1992: 100; Чубинский 1872/1: 189, 191; Демидович 1896: 119–120). Упоминание смотрения в воду связывает рассказы о Хапуне с ритуалом моления над водой («вытрясанием грехов»), происходящим в период между еврейским Новым годом и Судным днем. По свидетельству из района Белостока (Подлясье), во время «вытрясания грехов» евреи что-то бросали в воду (говорили, что они бросают свои «грехи») и одновременно смотрели в воду: кто не видел своего отражения, того мог забрать дьявол (Са́ла 1992: 59).

Поверье о Хапуне (в довольно стертом виде) было зафиксировано и на северо-западе волынского Полесья во время полевых исследований в августе 2000 г.: в селе Речица Ратновского района Волынской области считают, что когда наступает еврейский праздник «Кучки», «так йих ў той празник хто-то хапае, ну и йих не стае... Так вони наливають ў бочку воды, вот, и заглядають: як шо тины [тени. – О.Б.] нэма, так того ўжэ той нэдобрый ухватаць. Вот и побачыць, и ўсё. И ўжэ вони знають, шо ага-а...» (Маркиан Матвеевич Костючик, 1937 г.р., правосл., зап. О. Белова).

Отметим поверье, бытовавшее среди евреев Волыни, которое в какой-то мере могло повлиять на формирование славянского поверья о символике гадания в Судный день: «При возвращении из божницы на праздник *Hoszana-raba* увидеть свою тень без головы – к смерти в этом году» (Lilientalowa 1898: 238).

Такова основная схема сюжета, которая реализуется в региональных вариантах, бытующих на территории Подолии, Волыни, гродненской, витебской и моголевской Белоруссии, Подлясья и украинско-белорусского Полесья (Белова, Петрухин 2008: 483–498). В наиболее лаконичных версиях легенды говорится лишь о факте похищения евреев в Судную ночь. Более развернутые варианты упоминают об участии христиан в еврейском молении в Судную ночь. Присутствие «чужого» (в имеющихся в нашем распоряжении текстах упоминается «христианин», «наш мужик, украинец», «русская женщина») обеспечивает дополнительную безопасность (ср. использование христианами предметов, принадлежащих евреям, – глиняного горшка, талеса, субботней свечи – в магических целях: с целью вызывания дождя, в качестве оберега от порчи и болезней; см.: Белова 1999: 310, Сержпутоўскій 1930: 188, 194).

Сюжет о Хапуне продолжает бытовать и сегодня. Представленные в нашей публикации современные аутентичные материалы из зоны польско-белорусско-украинского пограничья могут служить тому подтверждением. В качестве примера приведем два текста, записанные на Гродненщине и в Галиции.

1. Шо яны праздновали, як вам сказать..? Казали, шо на той ихний праздник чорт краде аднаго жида. И яны вроде бы баялись. Но я забыласе, ян ён назывоўся, зараз, кажа, буде это... так яны всё казали, што краде на той праздник чорт жида. [Откуда крадет?] Ну вот яны где-та збиралисе, наверна. Чи яны малилисе, чи яны какие гости рабили, я не знаю. Гаварили – правда или неправда? – я не знаю. Кажа, жида украдутъ, падходить свято! Забылася, як яно называеця... И яны баялисe! Вот каждый баялся – вот не мяне! Хатя правда там была или неправда – я не знаю. Муси надо было уже у их. <...> Во-во! Жидоўские кучки! Это на кучки крали жида! И яны муши ишли там куда на кладбище малиться. И аттуда крали таго человека ихного. Аднаго жида. Жидоўские кучки. Это тады где-та яны бывають двадцать... якого, может, первого сентябры. Тады завсёды – от капаем картофлю, так зараз кончатся жидо... теперъ жидоўские кучки зараз кончатся дождь, то уже буде пагода! [Черт прилетал и хватал – только евреев или католиков тоже мог схватить?] Там только евреи и были! [на молитве]. От я не знаю, чи яны на сваи магилки хадили, чи яны... Тады, кажа, сама тёмна ночь, и яны тою ночью тёмной молятыся, и ён, кажа, хватал. Но не из хаты их, яны хадили малить(ся). И яны там не поймёшь, я то чула, як яны – як зачне малитяся – ва-ва-ва-ва... нешта там гаворить. Але яны не ў хате их... Ну, хто яго знае, но казали, што на

кучки всё раўно украде аднаго жида чорт. А де хадил той чорт, я не знаю... [А к полякам такой черт не приходил?] Нет, нет!

(Регина Михайловна Цивинская, 1931 г.р., римо-католик, д. Минотовичи Щучинского района Гродненской области, зап. О. Белова, И. Копчёнова, С. Пивоварчик, 2012)

2. Зараз у вересні тожэ 11 вересня у ніх був Судни день. Вони дуже тоди молилися, тади і стари навет жидивскі жинкі ішли до тей божніци. Так ходили ліше мужчини і малі хлопчики, а такі мужчини старши, середнього віку, 40–50 років, вже ні, а такі стари мужчини і такіх хлопчиків брали, ходили, а вже на Судни день і такі жидкі шли. <...> А то правда у нас се сміяли і казали, що на Судни День мае одного жида щось хопити. Так собі люди говорили.

(Галина Михайловна Клебан, 1928 г.р., поселок Богородчаны Ивано-Франковской области, зап. О. Гущева, К. Широких, 2009)

Птичий облик Хапуна

В 2001 г. в п. Сатанов (Городокский р-н Хмельницкой обл.) нам удалось записать свидетельство о Хапуне, где в отличие от других рассказов, в которых Хапун предстает в виде ветра или вихря и не имеет видимого материального воплощения, содержатся намеки на внешность этого демонологического персонажа. Здесь похититель являлся в виде огромного орла и «хапал» исключительно любопытных украинских детей, подглядывавших в окна синагоги за еврейским богослужением. Орел появлялся в самый «страшный» момент ритуального действия, когда евреи, согласно наблюдениям этнических соседей, начинали особенно громко кричать и бить палками в подушки (Белова, Петрухин 2008: 492–493).

В этом явно трансформированном и контаминированном сюжете о Хапуне содержится еще и намек на «кровавый навет» (похищение христианских детей с целью получения «русской» крови для мацы), о фольклорных версиях которого нужно говорить особо. Что же касается птичьего облика Хапуна, то этот образ мог материализовываться в проделках местечковой молодежи, приуроченных к еврейским богослужениям.

Многочисленные тексты о таких «шутках» были записаны в Подлясье, на Любельщине, в Гродненской обл. Белоруссии, в Литве (Виленский край): шутки ради по субботам или в праздники в синагогу могли запустить птицу или черного кота. Такое сочетание поверья и определенного действия, приуроченного к еврейскому празднику или богослужению, характерно для пограничного региона на стыке белорусско-украинско-польских традиций.

3. Co sobota Żydzi mieli ten swój Szabas i starsze chłopaki robili im sceny niesamowite – a to czarnego kota im rzucali a to gawrona, to było straszne dla ludzi wyznających wiarę Mojżeszową. Oni musieli przerywać te swoje modlitwy i szukać winnego, bo to było czymś dla nich gorszącym w tym czasie jak oni dopełniali tych swoich modlitw...

[Как суббота, у евреев был их Шабас, и старшие ребята устраивали им <...> то черного kota, а то и ворона [запустят], это было страшно для людей веры Моисеевой. Они должны были прерывать свои молитвы и искать виновного, потому что это было для них чем-то самым худшим...]

(1990-е гг., Люблин, архив научно-методического центра «Teatr NN»).

4. No ji jak ta straszna noc przychodzi. Już te święto przychodzi. To oni strasznie lękają sje, że ni wiedzo kogo. Ze każde święto, ta straszna noc, djabeł musi zabrać jednego Zyda, ot. A na kogo ten los spadnie? To co? No to, a w Jaszunach była synagoga taka. To "oni zbierają sje du tej synagogi na noc, na noc. Cała noc tam jedna świeca pali sje. To oni tam modal sje po swujemu. Taki pisk, jęk. Przepraszajo Boga za wszystkie, za grzechy swoje, wszystko. Ji lękają sje, żeby no, na przykład, mnie ji ten djabeł ni zabrałby czy tam kogośkolwiek ni zabrałby. To chłopcy złapio wrona gdzieśkolwiek ji potem przyszykujo. Przez okno gdzieśkolwiek puszczo tej wrony, do tej ciemności, tam do nich. O my tam talmont pudejmuje sje straszny. Tam: wrzaski, piski, jęki.

[Наступает их Страшная ночь. Приходит этот праздник. И они страшно боятся, но неведомо кого. Ведь на каждый праздник, в эту Страшную ночь, дьявол должен забрать одного еврея, вот. А кому тот жребий выпадет? <...> Так они собираются в синагоге на ночь. Всю ночь там одна свеча горит. А они там молятся по-своему <...> Просят прощения у Бога за все, за грехи свои, за все. И боятся, чтобы, например, меня или кого еще дьявол не забрал. Так хлопцы поймают где-нибудь ворону и спрячут. А потом через окно пустят эту ворону, прямо в темноту, к ним. Переполох страшный, писк, визг.]

(Виленщина; Станислав Давидович, 1929 г.р., римо-католик, уроженец деревни Яглимоньце (Яглимонис); Prokopowicz 1994: 164).

5. Czasem łapali wrone albo kawkę, wpuszczali do kuczek, albo i bożnicy. Świce gasili. Żydzi myśleli, że to duch i przerywali [modły].

[Местная молодежь пускала в кущу или в синагогу ворону или галку, мечущаяся птица гасила свечи, горящие внутри, а евреи прерывали моление, так как «думали, что это [злой] дух»]

(Подкарпатское воеводство, город Сенява, Саля 1992: 40).

6. А, идуть, молятся всё, а потом, понимаешь, начнут собирать это, сберуться жульё – само лучше [?], что пустят – чи там ворону поймать, чи что, и туда. И яны уже на... но... жидоўска... як называли – хапун, дак пре... хапун хапае жидоў <...>. [Что такое хапун?] Жида чи жидоўка, понимаешь, ухóпит да понесёт, так яны называли это хапун. Хапляе, понимаешь. [Ворону пускали

в синагогу?] И ворону пускали, и сову, понимаешь, – хто что лапает, и пускал, понимаешь, то-то. [И они пугались?] Да. Напугались яны. [ВМБ:] Потому что думали, что хапуны и хто и... [ФММ:] Ну.

(Франц Михайлович Марчукевич, 1929 г.р., римо-католик; Виктория Михайловна Блюдник, 1926 г.р., римо-католик; поселок Желудок Щучинского района Гродненской области, зап. А. Мороз, Н. Петров, 2012)

7. Вот гэта іхны быў дом малітвы. А ужэ польскія пацаны... у іх там есць перыяд, што ані не^адзелю там не ядзяць, ну, в обшчым моляцца. А пацаны жалудокскія варону, як яны моляцца, варону туда як пускаць – во тада шуму. Расказвалі, я ж ня помню. Іздзявалісь, кароча гавара... палякі іздзяваліся над яўрэямі [информант неодобрительно отзывается о таких действиях, сравнивает это с выступлением группы Pussy Riot].

(Иосиф Иосифович Сметух, 1926 г.р., поляк, римо-католик, поселок Желудок Щучинского района Гродненской области, зап. О. Гущева, О. Шаталова, 2012)

8. У них Страшная ночь называлася <...> И наши падшпарки лапалі саву <...> яны упустили туда. Крыки туда-сюда, гвалт, Страшная ночь называлася. <...> ці варону якую и пускали туды. Кажды, знаеце, по-своему с ума схадзіў. Над людзмі издеватся нельзя, понимаешь, нивкoем.

(Франц Михайлович Марчукевич, 1929 г.р., римо-католик; поселок Желудок Щучинского района Гродненской области, зап. Н. Пасюта, М. Коженевская, 2012)

9. ...Но было – какой-то религиозный праздник, собираются евреи, зажигают свечи в синагоге, и вот взяли ворону туда пустили – жульё, молодежь, шуму наделала эта ворона.

(Эдуард Феликсович Гедревич, 1926 г.р., римо-католик, поселок Желудок Щучинского района Гродненской области, зап. А. Погорелый, М. Сидорова-Шпилькер, Е. Смирнова)

10. Это вы знаете, как интересно! Возьмут и ворону впустят туда. Знаете, как им страшно было! Уже они падали все! [Куда ворону запускали?] В синагогу, в окно! Ну так жили неплохо, хорошо жили.

(Виктория Викентьевна Ковалевская, 1926 г.р., римо-католик, поселок Желудок Щучинского района Гродненской области, зап. О. Белова, А. Погорелый, И. Копчёнова, 2012)

11. Рассказваў сасед (Лихверович) мой, яны пацаны то же, яны як моляцца, а мы, кажа, наловим варабёў и варабьи туды запускаюцца, а яны: «Гирзай! Гирзай!» Эта хрысци! Яны брали хрышчонага чалавека, каб хрысциў их там эта.

(Франц Францевич Дубровник, 1939 г.р., римо-католик, поселок Желудок Щучинского района Гродненской области, зап. Н. Пасюта, М. Коженевская, 2012)

Отметим, что состав птиц, которых шутники запускали в синагогу, имитируя приход Хапуна, варьирует в зависимости от местной традиции. Наиболее часто в рассказах фигурирует ворона (№ 4–10; территориально это Виленский край, Гродненская область, Подкарпатское воеводство); упоминаются ворон (№ 3, Люблинское воеводство), галка (№ 5, Подкарпатское воеводство), сова (№ 8, Гродненская область), сорока (№ 13, Галиция), воробьи (№ 11, Гродненская область). Единственное исключение из «птичьего» ряда – текст № 3, где упоминается также кот (Люблинское воеводство).

Обратим внимание, что в тексте № 11 упоминается «крещеный человек» (христианин), которого приглашали присутствовать на еврейской молитве. Это свидетельство соотносится с описанным в этнографических источниках обычаем приглашения на молитву христианина с «громничной» свечой (см. выше, а также: Демидович 1896: 119–120, Cała 1992: 100, Federowski 1897: 238).

Календарная приуроченность: локальные варианты

Отметим, что поверье о Хапуне приурочивается в различных локальных традициях, то к Судному дню (Волынь, житомирское Полесье), то к празднику Кущей (Волынь, Галиция, гродненское Понеманье), то к еврейской Пасхе (гомельское Полесье).

Рассмотрим подробнее вариант с праздником Кущей (Суккот), который в исследуемых регионах носит название *Кучки/Kuczki* (часто термином *кучки* обозначают весь комплекс осенних праздников, поэтому в рассказах информантов к *кучкам* приурочиваются все возможные ритуальные действия, исполняемые евреями в дни новолетия, Судного дня, Суккот; более того, материал показывает, что словом *кучки* информанты склонны называть вообще любой еврейский праздник, а также сам ритуал моления).

Согласно народным представлениям, накануне этого праздника евреи совершают специальные действия для вызывания дождя: молятся о дожде («*Żydzi prosily o deszcze na lizowki [świeto kuczek], Bożek ich zawzse wysłuchiwał*» – «евреи просили о дожде на праздник Кущей, и Бог их всегда выслушивал» – район Пшемышля; Cała 1992: 36), при этом моление происходит над водой (на реке, у водоема).

По свидетельствам из Польши (Бельско-Подляское, Кросненское воеводства), на праздник Кущей также всегда шел дождь: «*Żydowskie kuczki – uciekaj, bo deszcz będzie*»; «еврейские кучки – дождь будет» и наоборот: «*Deszcz pada – Trąbki albo Kuczki się zbliżają*»; «дождь идет – приближаются *Trąbki* или *Kuczki*» (Cała 1992: 108).

12. Було свято Кучкі. Я не знаю, як називали євреї цю свято, а ми називали Кучкі. То був листопад, дощі падали, і люди чомусь спішили, казали: треба прибрати з полів до Кучек, бо тоди погніє. У Кучкі вони ховалися в комірці, закривали вікна і дуже молилися там. Голосно так, чути було. І вони боялися, що нечисти дух може вихопити когось, тому вони там сидили в темноті і боялися гріха свого, щоб мені не вихопив той нечисти. Вони вірять так, як і ми віримо у нечисту... у негативну енергію.

(Людмила Васильевна Микуляк, 1928 г.р., греко-католик, село Солотвин Богородчанского района Ивано-Франковской области, 2009, зап. М. Каспина, О. Гущева)

13. А у євреїв є таке свято, вони святкували – ми по-своєму називали «Кучки». Це найстрашніший для них свято. <...> Бо у них тяжела вира така, що ти нечистий дух – а він є який для євреїв, такий для нас. Ми його боїмося. І він має вихлопати из живих когось. Из євреїв. Тому вони старались не ходити по вулице, <...> вікна закривати, дуже был несчастный той час. І навик природи всім давала вичути, що це горе, бо падали дожди, і казали: «Ой, швидко зираємо, бо як Кучки придуть, ми пропали». <...> І що ми взяли. Насбрались детлаки цей улици, тэ я меж ними. Хлопчики переважно. <...> Вони зловили сороку, в день, а у Рахмилихи <...> форточка была выбита <...> і закрили тряпкою, аби вітер не дул. То уже у листопаде – Кучки? То уже холодно. <...> Хлопцы вынули ту тряпку и туды пустили сороку. Шо там творилася – то пекло! Як вони плакали, як вони айкали, і думали, що то... дух той поганый!

(Людмила Васильевна Микуляк, 1928 г.р., греко-католик, село Солотвин Богородчанского района Ивано-Франковской области, 2009, зап. Н. Галкина, Э. Иоффе)

В случае, когда Хапун действует на праздник Кущей, в местном фольклоре происходит объединение двух сюжетов – о молении над водой и о похищении людей демоном.

14. [Какие были еврейские праздники?] Были! Какой-то праздник, знаете, Хапун был. Когда хапáли євреїв. У них женщины отдельно молились, мужчины отдельно. Они вместе не молились. И они в этот праздник все молились єврей мужики. В этой своей синагоге. А потом шли ночью к той речке, которая идёт там, по той улице, где разделяла территорию панску и нашу, там речка была. И вот они над речкой молились. И вот там Хапун должен хапáть кого-то! [Хапун – это кто?] Ну, какая-то вроде... как чёрт, как у нас дьябал, на чё-то вроде такого. И вот они молились и шли туда. <...> Они, вот, интересно, когда вот этот, когда они там молятся потом позна вечар эта часа два ночи шли на речку [неразб.] молиться. Это мужики одни, жэншчыны не ходили! [Так они в покрывалах каких-то шли, да?] Да, они покрывались чем-то. Ну это же я никогда не ходила не смотрела... боялисе даже. [Боялись?] Хапун хапáў! [А хапун только євреїв хапал, поляков не хапал?] Не, ну у нас не было хапуна. У нас тока чёрт есть, а хапуна нету!

(Виктория Викентьевна Ковалевская, 1926 г.р., римо-католик, поселок Желудок Щучинского района Гродненской области, зап. О. Белова, А. Погорелый, И. Копчёнова, 2012)

Итак, в современных записях появление Хапуна календарно приурочено к празднику Кущей (№ 1, 12, 13 – территориально Гродненская область, Галиция), к Судному дню («Страшная ночь») (№ 2, 4, 8 – территориально Галиция, Виленский край, Гродненская область), некоему религиозному еврейскому празднику (№ 9 – Гродненская область), к субботе (№ 3 – Люблинское воеводство), либо просто к еврейскому богослужению (№ 5, 6, 7, 10, 11 – территориально Прикарпатское воеводство и Гродненская область).

Трансформированные версии

Представление о Кучках как о «страшном» и отчасти аномальном празднике мы записали в Подолии (украинско-польское пограничье); на этот праздник евреи сами устраивали жертвоприношение, не дожидаясь появления демонического Хапуна:

15. Колы е еврейски Кучки?.. раз в чотыри роки вроде бы... Колы у нас идэ високосный рик, еврейски Кучки – так-так – в сентябре месяци <...> Ну шо там повинно бۇты? Трэба принёсыти жертву, жертвоприношение у еврейў. [А кото они в жертву приносят?] Младенцеў. [Своих?] Зо стороны бэрўть.

(Владимир Федорович Бабийчук, 1946 г.р., правосл., поселок Сатанов Городокского района Хмельницкой области, 2001, зап. О. Белова, В. Петрухин)

Информант осознает Кучки как опасный праздник точно так же, как осознает неблагоприятность високосного года. Упоминание о жертвоприношении является трансформированным мотивом «кровавого навета», который обычно связывается с еврейской Пасхой.

16. Хапун... Но вот было такое слово, помнится, вот хапуны... [С.Р.:] Ну было. [М.Ж.:] Это, видимо, некоторые немцы хапали людей. [С.Р.:] Но, говорили такое, было такое выражение. [А что это значит?] Что поймают, заберут, и никто не знает, где и что. [М.Ж.:] Вот хапуны придут... [С.Р.:] И заберут вот. А кого забирали? Забирали. Может, это были и партизаны какие-нибудь забирали или... [А кому так говорили?] [М.Ж.:] Детям. [С.Р.:] Это детям. Детей пугали. Пугали детей. [А чем еще детей пугали?] Ну вот, говорили, что ну... зарежут, если евреи поймают, на кровь это вот, эти хапуны тоже... [М.Ж.:] Заберут себе.

(Станислава Михайловна Рудая (С.Р.), 1932 г.р., римо-католик; Мария Михайловна Жигеревич (М.Ж.), 1933 г.р., римо-католик, Желудок Щучинского р-на Гродненской обл., зап. Н. Петров, А. Мороз, 2012)

17. О хапуне не знает, говорит, что это тот, кто «хапае». Хапунами называли тех немцев, которые хватали молодых людей, чтобы увезти их на работы.

(Анна Юзефовна Сосна, 1929 г.р., римо-католик, Желудок Щучинского р-на Гродненской обл., зап. С. Николаева, О. Щука, 2012)

Два последних примера (№ 16 и 17) соотносятся со свидетельствами восточноевропейской еврейской традиции, когда «хаперами» называли людей, которые отлавливали «рекрутов» в черте оседлости, чтобы сдать их властям для исполнения воинской повинности (Пинес 1915: 398).

Следует отметить, что в обследованных нами регионах не удалось зафиксировать ни одного рассказа о Хапуне от евреев. Носители еврейской традиции единодушно отрицали свое знакомство с этим сюжетом. Однако при таком широком распространении поверья о Хапуне среди славянского населения трудно предположить, что евреям оно было совсем не знакомо. Но на сегодняшний день в нашем распоряжении имеется лишь единственное свидетельство, записанное от евреев в Литве:

18. Straszna Noc wtedy jak jeden taki djabeł, siła nieczysta, Antychryst wyciąga z domu jednego Żyda do lasu na śmierć. Tak wierzą, ale to nieprawda jest. <...> Broni się przed nim, znaki jakiegoś na domu robili. <...> Znak ten robi ten kto był najstarszy w domu – taki krzyż, ale inny niż chrześcijański.

Страшная ночь, это когда один такой черт, нечистая сила, Антихрист, похищает из дома одного еврея в лес, на смерть. Так верят, но это неправда <...> Защищались от этого, знаки какие-то на доме делали <...> Этот знак рисовал старший в доме, такой крест, но не такой, как у христиан

(Hryciuk, Moroz 1993: 87)

При отсутствии других аналогичных свидетельств трудно судить, насколько данный вариант инициирован христианской традицией (упоминание нечистой силы и Антихриста, а также креста в качестве оберега от нечистой силы) и насколько он аутентичен для традиции еврейской.

В свете этого легендарного сюжета можно по-новому взглянуть на поговорки типа «Żydzie, żydzie, szto za taboju idzie? Idzié u czyrwonoum kapielúszu, hap za twaju duszu!»

(Гродненская губерния; Federowski 1897: 16); «Як біда, то до жида, а як мине біда, най дідько [черт. – О.Б.] бере жида» (Галиция; Гнатюк 1901, № 210).

Упомянем в связи с этим и детскую игру «В пекло», зафиксированную собирателями в Минской губернии: «Вокруг заранее выкопанной ямы, имеющей около полутора аршина ширины и до аршина глубины, садятся дети, спустив в нее ноги, и начинают бессвязно кричать, подражая крику евреев в синагоге; в это же время один из мальчиков, более сильный, с выпачканным сажей лицом, исполняющий роль дьявола, появляется из будки, скрывающей его от глаз играющих детей, хватает одного мальчика и уводит его к себе в будку, которая называется «пеклом». Уведенный мальчик теряет право быть участником игры» (Шейн 1902: 222). Не есть ли это «игровой» вариант поверья о Хапуне, акционализирующий легендарный текст?

Проанализированный материал показывает, что в исследованных регионах сюжет о Хапуне до наших дней представляет собой живую традицию и бытует не только и столько в форме легенды, но в форме поверья, мемората (случай с кем-то, описание «шалости» – запускание вороны или птицы). Еще одна особенность – сохранение легендарного сюжета благодаря рассказам о ритуальных практиках, связанных с «чужим» праздником.

Литература

Белова 1999 – *Белова О.В.* Фольклорная интерпретация ритуальных действий и предметов иудейского культа в Полесье // *Мифология и повседневность. Материалы научной конференции 22–24 февраля 1999 г.* СПб., 1999. Вып. 2. С. 307–317.

Белова, Петрухин 2008 – *Белова О.В., Петрухин В.Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М., Иерусалим, 2008.

Гнатюк 1901 – *Гнатюк В.* Галицько-руські народні приповідки. Львів, 1901. Т. 1.

Демидович 1896 – *Демидович П.* Из области верований и сказаний белорусов // *Этнографическое обозрение.* М., 1896. № 1. Кн. 28. С. 91–120.

Пинес 1915 – *Пинес Д.* Борьба с «хаперами» // *Еврейская старина.* № 3–4. 1915. С. 396–398.

Сержпутоўскі 1930 – *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны беларусаў-паляшучоў. Менск, 1930.

Сержпутоўскі 2000 – *Сержпутоўскі А.К.* Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета. Мінск, 2000.

Франко 1898 – *Франко І.* Людові вірування на Підгір'ю // *Етнографічний збірник.* Львів, 1898. Т. 5. С. 160–218.

Чубинский 1872/1 – *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. СПб., 1872. Т. 1. Вып. 1.

Шейн 1902 – *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1902. Т. 3.

Cała 1992 – *Cała A.* Wizerunek Żyda w polskiej kulturze ludowej. Warszawa. 1992.

Federowski 1897 – *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. Т. 1.

Hryciuk, Moroz 1993 – *Hryciuk R., Moroz E.* Pamięć tradycji w relacjach mieszkańców Litwy narodowości żydowskiej // *Polska sztuka ludowa – Konteksty.* 1993. № 3–4. S. 85–89.

Kolberg 1962 – *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 17: Lubelskie. Cz. 2. Wrocław; Poznań, 1962.

Lilientalowa 1898 – *Lilientalowa R.* Przesady żydowskie // *Wisła.* 1898. Т. 12. S. 277–284.

Prokopowicz 1994 – *Prokopowicz A.* Folklor Polaków z okolic Wilna. Praca magisterska. Lublin, UMCS, 1994.